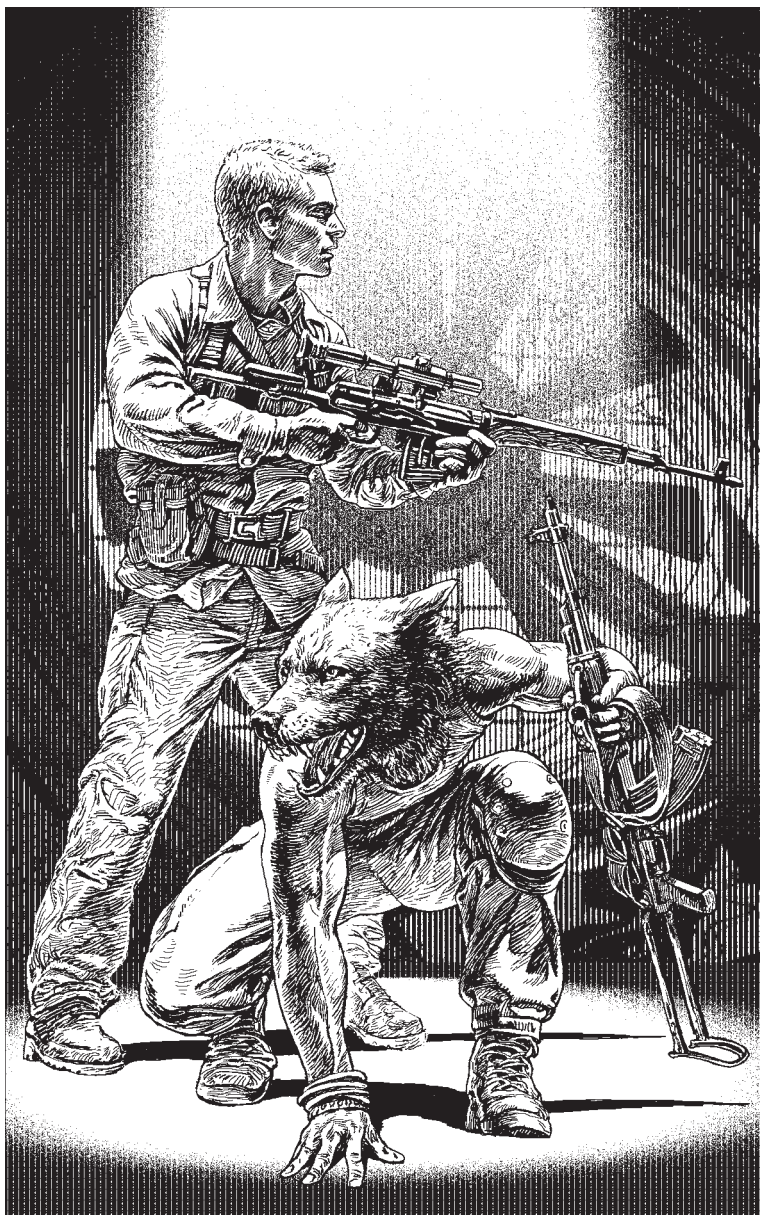

Книги Марика Лернера
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ДОРОГА БЕЗ ВОЗВРАТА
ДОРОГА К НОВОЙ ЖИЗНИ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

МАРИК ЛЕРНЕР
**ДОРОГА
БЕЗ ВОЗВРАТА**

РОМАН

Москва, 2011
ЭРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л49

Серия основана в 1992 году
Выпуск 681

Художник
С. Борин

Лернер М.

Л49 Дорога без возврата: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. — 506 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-0787-3

Все началось, когда в газетах поднялся очередной шум вокруг пришельцев. Очень скоро стало известно, что именно можно было получить у них. Здоровье. Пришельцы вылечивали практически любого больного, от которого отказывались врачи. Человек подписывал обязательство на срок от трех до десяти лет, очень редко больше в зависимости от тяжести болезни. Он был обязан отработать в неизвестном месте, где должен был неизвестно чем заниматься весь срок. Разрыв контракта раньше времени не предусматривался. Вернувшиеся ничего не помнили и не могли рассказать, да и не все возвращались. Вопрос спасти мать от смерти или не подписывать договор для Алексея не возникал.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0787-3

© Марик Лернер, 2011
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011

Часть первая

АЛЕКСЕЙ

Глава 1

ВЕРБОВКА В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

— Следующий,— прозвучало из динамика под потолком.

Я перестал разглядывать свои плохо вычищенные ботинки, встал с пластмассового стула и, чувствуя спиной взгляды троих очередников, зашагал к двери кабинета. Сборище было еще то: subtilный интеллигент в очках и в костюме-тройке, второй — явный представитель рода приклатенных, с вытатуированными на руке перстнями, и замученная тяжкой долей, изрядно побитая жизнью мамаша лет сорока. Говорят, раньше очереди были огромные, но постепенно ажиотаж спал. Теперь приходят только те, кому позарез нужно. Я толкнул дверь без таблички и вошел.

— Садись,— сказал развалившийся в самом обычном офисном кресле с колесиками карлик. Вообще-то это был не урод, а мужик нормального телосложения, в изрядном возрасте (если судить по морщинам на лице), просто ростом он, что называется, был метр с кепкой.— Ну, что у нас тут,— пробормотал он, забирая заполненный бланк и папку с историей болезни. Он начал читать, быстро перелистывая страницы, время от времени останавливаясь и тихонько матерясь по поводу почерка врача.

Я украдкой разглядывал кабинет, пытаюсь увидеть хоть что-то странное. Но ничего оригинального здесь не было. Обычный стол, полки у стены, на которых стояли канцелярские папки, и совершенно стандартный экран компьютера с надписью на задней стенке про тайваньское производство. За окном сквозь стекло был прекрасно виден такой же обычный кондиционер.

— Ну что,— сказал карлик,— саркома легких. Последняя стадия. Метастазы, химиотерапия эффекта не дала. Большая

неоперабельная. Почему вы всегда приходите в последний момент? Вам же дороже обойдется. Впрочем, вопрос риторический. Брошюру читали?

— Да,— ответил я неожиданно осипшим голосом. Прокашлялся и повторил: — Да.

— Вот и хорошо,— пробурчал карлик.— Значит, о вариантах оплаты в курсе. И что выбираете?

— У нас нет таких денег. Так что и выбора нет.

— Выбор есть всегда,— наставительно ответил тот.— Можно повернуться и уйти. Это дело добровольное. Нет?

Я промолчал. Сам, козел, прекрасно знает — кто не хочет, тот и не придет.

— Ну что ж. Сейчас пройдешь в конец коридора на осмотр. Там на дверях кабинета написано «Медицинская проверка». Посмотрим, на что ты годишься. Там у тебя будет последняя возможность отказаться. С того момента, как мы займемся твоей матерью, дороги назад уже не будет... Это понятно?

— Да,— снова односложно ответил я.

— Вот и ладненько. Это твое направление,— быстро черкая что-то на листке бумаги, сказал карлик.— Можешь идти.

Я вышел и зашагал по коридору, не оборачиваясь на заинтересованно посмотревших очередников. У каждого свои проблемы, и здесь не экзамен, чтобы подсказывать. На ходу попытался прочитать, что написано в направлении, но там, кроме моих фамилии и имени, напечатанных по-русски, все было заполнено непонятными иероглифами. Дойдя до последней двери в коридоре, я постучался и, приняв неразборчивое бурчание, раздавшееся оттуда, за разрешение, вошел.

В кабинете несколько длинноногих девиц в белых халатиках и шапочках гоняли чай с бубликами и моему появлению не сильно обрадовались.

— Поесть спокойно не дадут,— совершенно не стесняясь, заявила одна из них в пространство.

Другая скривила симпатичную мордочку и встала. Вблизи она смотрелась как мечта прыщавого пятнадцатилетнего школьника, соскочившая с обложки «Плейбоя»... Роскошная грива золотистых волос, высокая грудь, тонкая талия и длиннющие ноги. Вот только лицо нестандартное — совер-

шенно европейского типа, но при этом разрез глаз восточный, что не всем нравится... По мне же, смотрелось очень ничего. Экзотика. Евро-азиатский смешанный вид.

— Давай,— сказала она, протягивая руку.

Я послушно протянул направление.

— Так,— сказала она,— стандартная проверка без особых запросов.— Обе ее подружки захихикали.— Ложись на кушетку и расслабься.

— Раздеваться?

— Не надо, и так сойдет.

Я лег и вытянулся.

— Молодец, теперь придется слегка потерпеть.— Тут она неожиданно ткнула пальцем мне в лоб. Впечатление было такое, что слабо долбануло током, и я невольно дернулся.— Все, все,— успокаивающим тоном сказала она.— Теперь ничего такого не будет, можешь расслабиться и закрыть глаза.— При этом она водила руками вдоль тела, не касаясь его, и я чувствовал тепло в том месте, где находились ее ладони.— Минут десять придется полежать...

Собственно, ничего нового для меня во всем происходящем не было. И в первом кабинете, и здесь все шло по накатанной процедуре, многократно описанной и обсосанной в Интернете на соответствующих форумах. Прежде чем прийти сюда, я долго изучал все материалы, доступные нормальному человеку, и пообсуждал на тематических форумах возможности и последствия. Белое пятно — никто ничего толком не знал и сказать не мог...

Все началось лет десять назад. Когда в газетах поднялся очередной шум про пришельцев на суповых тарелках и прочих кастрюлях, никто не думал, что из этого получится. Сейчас противно вспомнить, как с приятелями смеялся над глупыми слухами и страшилками. Как мы ржали по поводу паники в США. Потом выяснилось, что пришельцы существуют вовсе не в воспаленном воображении желтой прессы, и хотя и не летают на тарелках, а применяют при посещении то, что в фантастике называется телепортацией. Вот только вели они себя совсем не как в фантастических книжках.

Они не пытались ни захватывать Землю, ни, дружески по-

глаживая человечество по голове, делиться с ним высокими технологиями и глубокой мудростью. Они даже не прислали посла в ООН с верительными грамотами и большими полномочиями. Собственно, им не было никакого дела до земной политики. Они пришли торговать. Практически во всех столицах земных государств, кроме совсем уж маленьких Лихтенштейнов, были открыты торговые миссии. При этом опять же они демонстративно работали на частном уровне и с государственными структурами старались дела не иметь. Так, во всяком случае, считалось. Что там творилось под ковром — в куче различных газетных заметок и конспирологических теорий разобраться обычному человеку было сложно. Совсем уж не общаться с правительствами — это вряд ли.

Вот тут и стали выясняться очень любопытные вещи. Пришельцы пользовались тем, что за неимением нормального термина очень быстро назвали магией. При этом никаких видимых эффектов вроде молний и заклинаний не наблюдалось, но результат определенно был.

Самое интересное, что они четко разделялись на три вида, моментально получившие у людей названия, — эльфов, гномов и орков. Только гномы были не гномы — без бород, топоров и желания работать в шахте. Сидели они в основном в конторах и решали административные вопросы. Вот рост у них и вправду был метр двадцать — метр пятьдесят. Выше пока еще никто не видел.

Эльфы тоже на классических мало походили. Монгольский разрез глаз и совершенно нормальные уши. Вот только по Интернету ходил якобы секретный доклад о наличии у них по сравнению с нормальным человеком двухсот тридцати пяти улучшений на биологическом уровне, причем генетический код у них был даже ближе к человеку, чем у шимпанзе. Более того, многие ученые считали, что все эти улучшения организма — начиная от переваривания пищи и кончая большей силой, в результате чего даже девушка могла при желании сделать отбивную из боксера тяжелого веса, — следствие искусственного вмешательства. И им не более нескольких сотен лет, а происхождение у них вполне человеческое, вплоть до возможности иметь общих детей, что еще больше напускало тумана в вопросе, откуда они взялись. Нали-

чие на других планетах абсолютно таких же особей было достаточно сомнительным делом.

В принципе ничего странного в том, что кого-то из них отловили и тщательно изучили, не было. В первый год было несколько громких похищений и убийств. Потом такие случаи резко сошли на нет. Неведомыми путями они очень быстро узнавали, кто это сделал и где содержат пленного или тело. После чего всех причастных находили мертвыми. Были случаи, когда целые институты вырезали подчистую, несмотря на охрану. А доказать так ни разу ничего и не смогли. Электроника не работала, немногие свидетели ничего не помнили.

Восемь лет назад торговая миссия в Исламабаде подверглась массированному нападению тамошних экстремистов. Нападение снимали с нескольких точек, благо сегодня каждый таскает при себе мобильник с камерой, и кадры уже через несколько минут попали в Интернет. Хорошо было видно, как внезапно упали вооруженные до зубов люди, пытающиеся ворваться в дверь. Потом из здания вышел эльф, и в радиусе пятисот метров от него умерли все. И люди, и животные, и птицы. Даже аквариумные рыбки в домах, как выяснили позже. Несколько тысяч погибших, включая множество совершенно посторонних людей, которым сильно не повезло. Причем тела были похожи на пролежавшие несколько столетий мумии. На претензии пакистанских властей эльфы очень вежливо предложили сначала обеспечить безопасность миссии от тамошних идиотов, а потом доказать, что именно она имеет отношение к этим смертям. Ну, вышел их товарищ подышать свежим воздухом... покажите, как он убивал всех вокруг. На закуску пообещали еще и закрыть свое представительство. После этого если и были попытки нападения, то СМИ о них ничего не писали.

Третьим видом пришельцев были орки, которые даже внешне не были похожи на нормальных людей. С жуткой мордой и клыками в пасти, с кожей красивого зеленого цвета, общего для всех, включая женщин. Вид у них был как у накачанных бандюганов, но без положенных по роли ятаганов. Вместо них при необходимости они вполне профессионально использовали полицейские дубинки и пистолеты.

В основном они исполняли роль охраны и вышибал, неоднократно фиксировалось, как в одиночку орки прошибали стены и переворачивали грузовики. Очень похоже, что демонстрации эти проводились специально, чтобы лишних глупостей у посетителей в головах не бродило.

Так что вроде бы все выглядело очень просто: гномы — торговцы и администрация, эльфы — волшебники и врачи, орки — охрана. Но это только с виду все было просто, внутренние отношения за закрытыми дверями постороннему наблюдателю были непонятны. На этот счет существовала масса теорий и контртеорий. Кто кем командует и кто на что способен — никому не было точно известно. Поговаривали, что есть еще и четвертый вид, который не показывается из-за негуманоидного облика, но всем заправляет.

Зато всем очень скоро стало известно, что именно можно было получить у пришельцев. Здоровье. Они вылечивали практически любого больного, от которого отказывались врачи. СПИД, рак, последняя стадия диабета или замена органа, вплоть до сердца, — все было им по силам. У людей вырастали новые руки и ноги, ампутированные даже давно. Процедуры омолаживания и восстановления утраченных способностей, разные болезни вроде Альцгеймера и прогрессирующего склероза шли на ура. Ходили упорные слухи, что можно было поменять не только пол, но и все тело, вплоть до отпечатков пальцев... Проблема была только в оплате! Стоимость подобного лечения была такова, что ее могли себе позволить лишь очень богатые люди.

Цены, впрочем, варьировались в зависимости от страны и уровня жизни. Поначалу особо ушлые пытались съездить в какой-нибудь Берег Слоновой Кости, чтобы меньше заплатить, но очень быстро стало ясно, что эльфы проверяют данные и гражданину другой страны назначают совсем иные расценки, чем местным.

А вот для бедных действовал другой преискурант. Существовал контракт, который мог подписать больной либо его родственник. Подписывая обязательство — на срок от трех до десяти лет, очень редко больше, в зависимости от тяжести болезни, — человек был обязан отработать в неизвестном месте, где должен был неизвестно чем заниматься весь срок.

Разрыв контракта раньше времени не предусматривался. Это очень походило на рабство. Зато оговаривались страховые суммы на случай инвалидности и смерти. Через некоторое время, после шума в газетах, инвалидность в контракте сменили на бесплатное лечение, но зато снизили компенсацию за смерть.

Торговые представительства очень четко платили все положенные налоги и разные прочие коммунальные услуги. В случае повышения расценок они просто перекладывали разницу на плечи желающих лечиться. Дважды, из-за желания подоить их сверх стандартной таксы в Зимбабве и Венесуэле, они просто закрывались, что не очень хорошо отражалось на популярности правительства.

В нищих странах было достаточно много людей, готовых добровольно продаться в кабалу. По возвращении они могли получить очень неплохие деньги по местным меркам. Особенно большой наплыв желающих возник, когда стали возвращаться первые из ушедших. Появилась уверенность, что это не билет в один конец. Вот только возвращенцев было — один на десяток, и они не помнили абсолютно ничего. Память об этих годах у бывших контрактников была стерта абсолютно. Они помнили, что было до ухода, а потом с момента возвращения. Что же произошло с ними в промежутке, не могли восстановить даже лучшие врачи с гипнотизерами — а они старались и на частном и на государственном уровне. Тем не менее шанс вернуться с приличными деньгами был, и достаточно большой. Уж точно выше, чем в лотерею выиграть миллион.

В Интернете рассказывали байки, что всех осужденных пожизненно отправили в неизвестные края, чтобы полечить членов правительства. Это сильно напоминало старые рассказы про отправленных на урановые рудники, но совершенно точно было известно, что в Африке многие уходили целыми племенами. По этому поводу никто, кроме правозащитных организаций, особо не волновался. Да и разные «амнистии интернейшенел» последнее время поутихли. После того как больше десятка борцов за права человека пропали бесследно, а нескольких беженцы забили насмерть на глазах у всего лагеря в Судане, желающих выяснить, куда они ухо-

дят, изрядно поубавилось. Уходят и уходят — их личное право идти, куда они пожелают. Права человека — дело святое, и нарушать их нельзя. Тем более что сразу в нескольких государствах начались очередные трайбалистские разборки, и проигравшие бежали в миссии пришельцев сотнями и тысячами.

Собственно, похожая ситуация с уходом в неизвестность имела место во многих странах, но все-таки на такой шаг шли те, кому терять было нечего, или помирающие от голода и болезней.

Со временем пришельцы укрепились как в имущественном смысле, так и в различных сферах деятельности. Если сначала они снимали обычную контору, то теперь уже в каждой стране у них был собственный автономный квартал с жилыми и офисными домами, с больничным корпусом, с техническими службами и магазинами, где работали на обслуживании обычные люди за приличную зарплату.

Спустя пару лет после прихода пришельцами на паях с известными фирмами в США были построены несколько пробных предприятий по переработке бытовых отходов. Технология была достаточно сложная и базировалась на нескольких видах активных микробов, которые жрали все эти пластиковые бутылки, выброшенные вещи и упаковочные материалы, за милую душу расщепляя их на отдельные элементы периодической таблицы. Потом освоили и промышленные отходы. Все, от чего человечество мечтало избавиться, включая химические отходы производства, горы автомобильных покрышек и разный строительный мусор, шло в переработку. На выходе получали различные металлы, химреактивы — и именно это и забирали в качестве своего дохода. Чистые кислород, углерод, водород, азот и так далее поступали в атмосферу бесплатно. Даже при всей своей сложности переработка обходилась дешевле, чем раньше, и исчезла необходимость в огромных свалках. Началось триумфальное шествие новой компании по земному шару. Заводы, как грибы, росли во множестве стран. Зеленые были в восторге.

Концерн ЭГО (Эльфы-Гномы-Орки) очень скоро набрал огромный вес. В свою инопланетию они вывозили только

людей и чистые металлы с драгоценными (ни в коем случае не искусственными!) камнями. Еще малыми порциями породистых животных и растения. Деньги, и немалые, постоянно вкладывали в перспективные отрасли. На Земле закончился затянувшийся период стагнации. Начался бурный подъем биотехнологий, и государства усиленно вкладывали деньги в научные разработки, стремясь обогнать соседей.

Поскольку пришельцы не собирались делиться с землянами своими методиками лечения, из крови и других органов вылеченных людей стремились создать новые лекарства и сыворотки. Иногда это даже удавалось, хотя и не с таким замечательным результатом. Так что и медицина получила ощутимый толчок, тем более что теперь с ее плеч сняли множество безнадежных больных. В страховой сфере тоже настал изрядный бум. Теперь взносы значительно выросли, но зато страховая компания обязывалась оплатить лечение ранее безнадежных больных у эльфов.

В очередной раз прибавилось работы спецслужбам и армиям самых разных государств. Появилась масса разных сект и психов — как молящихся на пришельцев, так и проклинающих их. Этих регулярно сдавали земным спецслужбам представители ЭГО, получающие информацию из неизвестных источников. Очень может быть, что они брали не только деньгами, но и определенными сведениями. Теоретически ведь за здоровье или продление жизни можно купить любого. Если не у него, так у жены или ребенка всегда что-то найдется.

Кроме того, надо было ведь следить за пришельцами и, если удастся, спереть у них какие-то особо нужные для обороноспособности секреты. Электроника тоже продолжила развиваться рекордными темпами, потому что очень быстро выяснилось, что она моментально отказывает при попытках слежения за пришельцами. Заработали целые научные институты, стремящиеся найти причины отказов и обойти их.

Так что даже при том, что ЭГО категорически не желал делиться с человечеством своими достижениями, экономика и наука Земли получили изрядный толчок и начали набирать ускорение.

— Все, вставай, — сказала эльфка.

Я вздрогнул и сел. «Задремал, что ли?» — подумал с недоумением. Даже не заметил, когда остальные вышли.

— Ну что,— забираясь в кресло с ногами и демонстрируя мне голые коленки, сказала она,— физические показатели в норме, мозги вроде тоже на месте. У некоторых обследуемых они явно отсутствуют. У тебя тоже вероятность имелась. Боксом занимался?

— Кандидат в мастера спорта, только это еще до армии было.

— Оно и видно,— что-то быстро черкая в бумагах, сообщила эльфка.— По голове тебя били неоднократно, но ничего серьезно не повредили. Нога была сломана в детстве, но срослась нормально. Продолжаешь посещать спортзал?

— Иногда.

— Это хорошо,— продолжая что-то писать, сообщила она.— Никаких посторонних предметов в теле, износ организма приблизительно соответствует возрасту. Диск принес?

Я торопливо достал компьютерный диск в пластиковой коробке из кармана куртки. Эльфка вставила его в компьютер и с бешеной скоростью замолотила по клавишам.

— Ага,— довольным тоном сказала она.— Можешь глянуть.— Она повернула экран.

Попасть в ЭГО на прием с улицы было нельзя. Для начала надо было зарегистрироваться на сайте компании и сообщить о причинах посещения. После этого прибывала анкета (в моем случае аж на трехстах страницах!), которую надо было заполнить и отправить обратно на «мыло». Дубликат сохранялся на диске, который требовалось принести уже во время приема. Вот этот диск она сейчас и проверяла. На экране была надпись о сверке и полном совпадении присланной анкеты с данными диска.

— Зачем это нужно? — с недоумением спросил я.— Я что, буду отвечать на вопросы по-разному?

— Может, захотел что-то исправить,— это допускается, ведь анкету надо заполнять максимально честно, о чем и предупреждают сразу. А может, кто-то поигрался с твоими данными. Время от времени разные недоумки пытаются залезть к нам в базу данных. Проверка должна быть.

— И что за интерес знать, умею ли я пришивать пуговицы и не ездил ли за границу?

— А ответ на вопрос «Приходилось ли тебе убивать, и что ты при этом чувствовал» тебя не удивляет? — насмешливо спросила эльфка. — Раз спросили, значит, это кому-нибудь нужно. В данном случае — нам, чтобы знать, как тебя использовать. Написал правду, облегчил себе в будущем жизнь.

В Сети уже давно говорили, что посылают их всех воевать (потому и попадают такие странные вопросы) и возвращаются не многие. Зато хорошо было известно, что анкеты проверяли и, если ловили на вранье, отвечали отказом на просьбу, причем так и писали: «А нечего врать, если обращаешься к нам! В дальнейшем можешь не трудиться, отказ последует автоматически». Так что все старались придерживаться правды в ответах, тем более что конкретных данных — сколько в каком месте скольких человек ты убил и как звали покойников, никто не спрашивал.

— Значит, так, — сказала эльфка, выкладывая на стол стандартный бланк контракта. — Согласно правилам компании, я обязана предупредить тебя, что ты имеешь полное право сейчас встать и выйти. Никто тебя удерживать не собирается, больно нам надо...

Я отрицательно покачал головой и стал ждать продолжения.

— Если ты согласен на стандартные условия, то срок тебе десять лет, согласно сопроводительной справке, уж слишком запущенная ситуация.

— Где расписаться?

— Вот здесь и здесь. Теперь еще одно маленькое дельце... — Эльфка вторично резко ткнула пальцем мне в лоб. — Знаешь, зачем?

— Да. Если не вернусь, остановится сердце.

— Это ваши человеческие сказки. На черта ты нам сдался, можешь не возвращаться. Ты ведь платишь за мать. Так ее как вылечили, так и обратное устроим. А это просто вроде сигнализации, чтобы найти можно было. Некоторые на радостях так напьются или наширяются, что потом их приходится искать.

Она сняла телефонную трубку и что-то сказала на неизвестном мне языке.

— Ну, все. Внизу тебя ждет «скорая помощь». Назовешь им свое имя и покажешь, как проехать. Документы будут в больничном покое в регистратуре. Обычно лечение занимает три дня, день на прощание. На пятый должен стоять на проходной в девять утра. Если вдруг выздоровление затянется — не проблема, позвонишь по телефону.— Она вытащила из ящика стола визитку с одним номером, без имени и должности.— Брать с собой можешь все, что хочешь, хоть атомную бомбу, но не более сорока килограмм. Все понятно?

— Да.

— Вопросы есть?

— Два года назад через вашу контору прошел Рафик Каримов. Если возможно, мне бы хотелось...

— Это понятно, что тебе бы хотелось,— перебила она.— Сейчас проверим.— Эльфка снова застучала по клавиатуре.

Мы познакомились с Рафиком в учебке. Москвичей в армии всегда не любили, и не сказать, чтоб совсем уж без причин — слишком многие норовили закосить...И слишком многим московская жизнь представлялась каким-то подобием рая в сравнении с ихними Нижними Усть-Урюпинсками. Так что устроить черную жизнь нам желающие всегда находились и среди «дедушек» российской армии и даже среди офицеров. Очень быстро мы с Рафиком прибились друг к другу и стали единым фронтом отбрыкиваться. Он тоже был мальчик не подарок и дать в лоб мог запросто.

Теоретически Рафик был татаринном, но уже пятое поколение семейства, начиная от далекого предка, приехавшего в Москву еще до революции и работавшего дворником, проживало в городе, и из татарских слов он знал только парочку нецензурных эмоциональных выражений, употребляя их исключительно, когда надо было послать очередного «деда» в правильном направлении. Русский для этого подходил больше, но почему-то он посылал именно на татарском. Где находится мечеть, он знал точно так же, как я знал, где находится церковь. То есть мог указать дорогу, но внутри ни разу не

был. Короче, нормальный парень, при родителях инженерах, с остатками советского воспитания.

Потом мы вместе попали в одну часть и так и корешились почти два года, вставая грудью на защиту демократических ценностей на границе Грузии и Чечни, пока наш бэтээр не подорвали местные джигиты. Дело было вполне житейское, несмотря на полный мир, провозглашаемый по телевизору. Я отделался легким испугом, улетев в ближайшие кусты, двоих размазало насмерть, а Рафику размозжило обе ступни, да так, что одна висела только на коже. Проблема была в том, что связи со своими не было, а как поведут себя аборигены при виде нас, неизвестно еще. Район был не сильно спокойный. Почти сутки я ташил Рафика на себе, и вытащил, вот только отрезали ему обе ноги почти до колен.

Через несколько месяцев я дембельнулся и зашел его проведать. Изрядно поддатый, он сообщил, что собирается к эльфам в гости. Отговаривать было глупо, тем более что, похоже, пил он без просыпу, и хорошо еще, не допер перейти на наркотики. Остаться в двадцать лет без ног, на мизерной пенсии, и непонятно, что делать и как жить дальше, это, скажу вам... А еще через полгода он ушел с восьмилетним сроком. Тогда я впервые и стал выяснять, чем это пахнет, не подзревая, что еще через пару лет самому понадобится.

— Есть такой, ампутация нижних конечностей, — сообщила эльфка через несколько минут. — Мина. Срок — восемь лет. Живой и вполне устроенный. Очень похоже, что возвращается он не собирается даже после конца срока. Ага, ага... а вот здесь... Ты где служил в армии?

Я назвал.

— Вот видишь, а ты еще спрашиваешь, почему так много вопросов. Назвал он тебя в анкете в числе ближайших друзей. Так что хоть уверенность существует, что вы с ходу друга друга резать не начнете. Мало ли по каким причинам разыскиваешь, может, девчонку не поделили. Шучу. Не бери в голову. Ладно, — дернула она бровью, — обещать тебе ничего не могу, но ты все равно по тому же адресу отправляешься. Так что ему передадут про старого приятеля. Сам должен понимать, люди меняются со временем, может, он и не горит желанием с тобой общаться.

— Спасибо.

— Да не за что, — отмахнулась она. — Можешь даже позвонить его родителям и сказать, что с Рафиком все в порядке. Мол, хитростью выманил данные у глупой секретарши. Официально мы никогда ничего не сообщаем, но если погибает, всегда выплачиваем компенсацию наследникам, указанным в контракте. Так что пока извещение не пришло из банка — жив. Но родителям будет приятно узнать, что он в порядке, тем более что его компенсация не касается. Он за ноги отработывает. Все, — развела она руками. — Можешь идти, раньше сядешь — раньше выйдешь...

Глава 2 ПРИБЫТИЕ

Три десятка мужчин и женщин разного возраста — от пятидесяти до двадцати — торопливо шагали один за другим в черную мембрану. Каждый тащил на себе вещи. Кто чемодан, а кто баулы «мечта челночника». Вещи сдали на склад сразу по прибытии и получили только перед переходом. Люди в большинстве были невыспавшиеся, кое-кто вообще не слишком соображал, что происходит. Первые прибыли еще две недели назад и ждали, пока соберется вся группа. Делать было нечего, поэтому гуляли по принципу: последний день живем и терять нечего. Пили, пока не кончились деньги, потом перешли на одеколоны и все, что может гореть. Обслуживающий персонал из людей охотно менял вещи на выпивку, причем цены, естественно, были грабительские. Заодно в каждом темном углу раздавались женские визги и охи.

Когда всех подняли с кроватей и стали сгонять в зал отправления, сборище больше всего напоминало съезд вампиров с бомжами. Красные воспаленные глаза, опухшие рожи, и одеты в какое-то грязное тряпье. Впервые за все время появились орки и, не особо церемонясь, гнали пинками: «Быстрее, быстрее!» Кто-то заорал про отсутствующий чемодан, судя по звуку, получил по шее и заткнулся. Не хватало только громко лающих собак и фразы про «шаг влево, шаг вправо, прыжок на месте считается побегом». Все остальное присут-

ствовало. Звучала фамилия, человек сделал шаг вперед и исчез.

Когда подошла моя очередь, я шагнул и, преодолев слабое сопротивление мембраны с чувством, будто вывернули наизнанку, очутился в большом зале с огромными стеклами вместо стен и невольно зажмурился от ударившего по глазам яркого света. Прошедшие ранее стояли в очереди к небольшому столику, за которым сидел толстенький человечек. Рядом стоял с совершенно невозмутимым лицом эльф. Люди, миновавшие их, садились на стулья, стоящие у стен, и, тихо переговариваясь, ждали неизвестно чего.

Очередь медленно двигалась. Прямо передо мной двое вяло переругивались, выясняя, кто виноват, что последнюю недопитую бутылку не взяли с собой. Теперь даже поправить здоровье не удастся. Я так толком и не познакомился с братьями по переходу раньше. Все три дня отсыпался, вставая только поесть и в туалет.

Последние месяцы вымотали душу, но последние дни были хуже всего.

Слишком тяжело приходилось — все висело на мне. Отец совсем сдал, когда стало ясно, какой ценой мать можно вылечить, и потому дежурить у ее койки приходилось одному. Была еще Танька, но она поздний ребенок, у нас с ней разница в десять лет, и я никак не мог это нахальное малолетнее дитя воспринимать всерьез и по возможности старался ее не подпускать ни к чему. Посадил ее к компу и дал задание качать из Интернета все, что в голову придет, целыми библиотеками, имеющее отношение к ЭГО, и любую литературу, хотя бы отдаленно упоминающую о других мирах, включая фэнтези. Единственно — стараться не дублировать одно и то же. Понадобится или нет, все равно узнать нельзя, но хуже не будет. Читал же, что спецслужбы в таких книжках умудрялись находить полезные вещи для себя.

Никто не предупредил ни как выглядит лечение, ни насколько морально тяжело все это.

Взмаха волшебной палочкой, после которой все, улыбаясь, уходят, не было. Каждый день три сеанса этого непонятного воздействия голыми руками по два часа. При этом ди-

кие боли, которые невозможно полностью снять, и жуткая слабость. Простыни с кровати можно было выжимать, хватило бы на мытье полов в палате. Ко всему еще в первые два дня добавилось совершенно непроизвольное отправление под себя. Хотя там и были медсестры, но я старался помочь сам, когда требовалось мать поднять, поддержать, чтобы она видела рядом родного человека, а не стандартно-вежливых, которым нет до тебя абсолютно никакого дела.

Мать плакала от бессилия и стыда. На третий день она начала нормально есть, и ей явно полегчало. Даже сама попыталась встать, чтобы дойти до туалета. Проверка показала, что все в порядке. Я не успокоился и прорвался к профессору в городскую больницу, где она наблюдалась. Все медицинские бумаги эльфы мне выдали без проблем. Наверняка не первый такой случай, когда родственники хотят убедиться в результате лечения. Профессор посмотрел, пожал плечами и сказал, что еще не было случая, когда после ЭГО человек бы не выздоровел. Другое дело, что иногда они отказываются лечить без объяснения причин. Теперь нужно только хорошее питание и реабилитация после болезни. Деньги за консультацию тем не менее он не забыл положить в карман.

Потом я отвез мать домой и побежал к одному из старых знакомых, с которым вместе бегал по границе. Человек был дерьмовый, но другого варианта все равно не было. В магазине такое не продают, а договорился я сразу, как только стало понятно, что мать берут на лечение.

— Руки класть сюда,— усталым тоном, в котором ясно звучало: «Как вы мне все надоели», сообщил человек за столом.

При ближайшем рассмотрении это был не только стол. На верхней крышке стояла большая квадратная пластина черного цвета, где виднелись углубления для обеих ладоней.

— Пальцы прокатай, как когда отпечатки пальцев делаешь,— продолжал он тем же тоном, глядя в экран.— Еще раз большой палец левой руки и указательный правой... Уже лучше. Руки вытащил и повторно то же самое. Хорошо. Есть. Подожди минутку.

Где-то под столом зажужжало, и он, нагнувшись, выта-

шил оттуда плоский кругляш, размером с советский юбилейный рубль, сделанный из того же материала, что и пластина. В центре была проделана дырка, а по кругу шли непонятные иероглифы и имя с фамилией на русском.

— Это твое удостоверение личности,— сообщил он все также монотонным голосом бесконечно уставшего от повторения чиновника.— Подойдешь к эльфу, он зафиксирует, и садись, будет вам общая лекция о поведении и законах. А в дырку вставишь цепочку — и на шею. Терять не рекомендуется. Тут все данные, включая медицинские и банковские.

Эльф деловито намазал тыльную сторону ладони густой и противно пахнущей мазью, потом прижал кругляш и тихо сказал:

— Терпи.

Боль была как при ожоге, и я невольно дернулся.

— Все,— сообщил эльф и быстро протер место ваткой со спиртом. На руке четко отпечатались иероглифы.

— Как в концлагере,— пробормотал я себе под нос.

— Это не татуировка, но что-то вроде. Не сходит, но и не мешает. Потом сама исчезнет и будет видна только под ультрафиолетовой лампой. Теперь ты не потеряешься. А если у тебя сопрут жизняк или сам потеряешь,— он протянул мне кругляш,— воспользоваться им другой не сможет. Надо предъявить еще и руку. Потом сам поймешь — для наших мест это удобство, а подделать такое могут считанные... хм... эльфы, но они не станут. Иди садись.

Я сидел, с интересом разглядывая в окно деревянную церковь с православным крестом на куполе, когда хлопнула дверь, и в зал вошел здоровый мужик под два метра ростом, с бритой головой и телосложением шкафа, в синем, запачканном маслом комбинезоне. Он деловой походкой направился прямо к столику и начал что-то выяснять. Толстяк отмахивался, и очень скоро оба повысили голос. Народ с интересом прислушивался.

— А я говорю, не твое дело!

— А мне чхать, что там написано в твоих идиотских инструкциях, все равно завтра никому не будет дела до них. Неплохо мне ждать, пока ты согласовывать будешь, можешь сэкономленные продукты в карман положить.

— А не пошел бы ты!

— Я пойду,— нависая над столом, орал мужик,— только ты еще быстрее пойдешь. Начальник хренов...

К столу подошел эльф и что-то тихо спросил. Потом кивнул и достаточно громко, так что услышали все, сказал:

— Нам же работы меньше, что ты выкобениваешься, Серега?

— Совсем другое дело,— обрадованно сказал «шкаф».— Эй,— обращаясь к залу, заорал он,— кто тут Михайлов?

Я встал.

— Жизняк где? — подойдя, поинтересовался он.— Ага, вижу. В руке не держи, положи в карман и на пуговицу застегни, цепочку потом найдешь. Меня зовут Борис, и Рафик попросил тебя забрать. Бери вещи и пошли. Это у тебя что, винтовка? Может, и патроны с собой есть?

— Есть,— осторожно ответил я.— Девятьсот штук.

— Ну, хоть один предусмотрительный попался,— прокомментировал он.— Патроны здесь не хуже валюты идут. Еще что полезного имеется?

— Ноутбук на три гига оперативной памяти, восемьдесят гигабайт разной полезной информации на жестком диске... на предмет выживания и оружия.

— Может, и художественная литература имеется?

— Много чего есть. Что попадалось, то и качал. Откуда я знал, что понадобится? Все, что про эльфов с разными гномами и вампирами было, скачал, даже если бред сивой кобылы. А больше почти ничего и нет. Немного лекарств на случай первой помощи. Смена одежды и всякая мелочь вроде зубной пасты. Все равно у кого лишнее, свыше сорока килограмм, выбрасывают, как при посадке в самолет.

— А про Рафика как узнал?

— Спросил у эльфки на медкомиссии.

— Вот так просто взял и спросил?

— Вот так взял и спросил,— сердито ответил я.

— Ты не обижайся,— ухмыльнулся он,— но ты первый, который «просто взял и спросил». Может, потому и ответила. А то все больно хитрые и норовят подъехать через левое плечо, чтобы почесать за правым ухом. Хотя, может, ты ей понравился.— Он повернулся на ходу и подмигнул.

При этом я впервые заметил, что у него нет левого уха, а на его месте только шрам. Да не такой уж и молодой он был, за сорок точно. Но при росте под два метра и весе за сто двадцать килограммов жира не было совсем, сплошные мускулы. Это вам не байкер из кино, со здоровым брюхом, этот приложит — голова оторвется.

Разговаривая, мы шли по улице между домами, построенными явно без всякого плана. Дорога извивалась и петляла, иногда возвращаясь назад. В таких случаях Борис шел напрямик, не стесняясь протопать по огородам. Один раз сзади по этому случаю раздался женский крик, и посыпались проклятия по-польски. Поминали курву и чью-то мать. Борис даже не обернулся.

Вся обстановка страшно напоминала захудалый райцентр. Вроде бы новые дома, дерево еще не потемнело, но улица неасфальтированная и после дождя явно превратится в одну большую непролазную лужу. Покосившиеся заборы с выломанными планками и пьяные голоса, доносящиеся из открытого окна. Колодец на улице, у которого стояли две девушки с ведрами, с интересом уставившиеся на нас, и неизменная деталь за заборами — будка для отдыха, мечта дачника. Тут мы неожиданно вышли к реке. Вдоль деревянной пристани стояло несколько неказистых барж, на которых что-то грузили и разгружали. Причем транспорт был самый разнокалиберный — от телег, запряженных лошадьми, до нескольких грузовиков, среди которых попадались явно едущие на дровах, как во время войны.

— Вот моя калоша, — с гордостью сообщил Борис, указывая на третью слева, с моей точки зрения, ничем особо не выделяющуюся баржу с интересной надписью на борту — «Рязань».

Возле нее сидели двое, моментально вскочившие при виде нас. Плюгавый мужичонка, одетый, с претензией на ковбойский стиль, в клетчатую рубаху и кожаные штаны, и конопатая, коротко стриженная рыжая девчонка лет пятнадцати в похожем на Борисов комбинезоне со множеством карманов. На поясе у нее висели нож и наган в потертой кобуре.

Мужичонка плаксиво закричал:

— Ну, сколько можно тебя ждать? Мы ж договаривались!

— Ну, задержался, — пожимая плечами, ответил Борис. — Всего-то минут десять...

— Да? А два часа не хочешь? Чтоб я еще с тобой хоть раз связался!

— Можно подумать, ты в другом месте найдешь дешевле, — ответил Борис и вытащил из бездонных карманов комбинезона что-то завернутое в тряпку.

Мужичонка, не разворачивая, ощупал вещь и, пряча в сумку, заявил:

— В другой раз так легко не отделаешься. Я вот как, сказал — сделал. А ты пропадаешь неизвестно где. — Он, прищурившись, уставился на меня. — Что, много прислали?

— Мне только одного, иди прошерсти остальных.

— А хорошая мысль, — ухмыльнулся тот. — Проверю, что они из себя представляют. — Он повернулся и пошел к грузовику, откуда снова раздался крик. Похоже, на этот раз он искал шофера.

— Можно отправляться, все согласно списку загружено, — доложила рыжая, с интересом глядя на меня.

— Познакомьтесь, — сказал Борис. — Это моя дочка Даша, большая озорница и меткий стрелок. Если сама не застрелит, я оторву голову тому, кто ее обидит.

— Ну, папа, — недовольным тоном сказала та. — Так ты мне всех ухажеров распугаешь. И так все знакомые боятся наедине остаться.

— А это, — ткнул он в меня, — Алексей Михайлов. Старый приятель Безногого. Прибыл сегодня, пока ничего не знает, и попрошу над ним шуток не шутить. Хотя бы временно. На борту еще имеется Спиро, — обращаясь ко мне, — механик. Предупреждаю сразу, в долг ему не давать и не наливать. Давайте, поднимаемся. И так задержались, пора отваливать.

Я сидел на носу баржи и бездумно смотрел, как мимо неторопливо проплывает берег. Совершенно не похожая на корабль, а нечто вроде большого деревянного ящика длиной метров сорок и шириной семь, баржа могла тянуть, по моим прикидкам, триста-четырееста тонн груза. Ну не моряк я, даже речной. Может, и больше, а может, и меньше.

Мотор не работал, шли мы просто по течению, и скорость была не больше пяти километров в час. Сначала на левом берегу часто попадались кучки домов и огороды, к обеду их стало совсем мало, а потом и вовсе пропали. Заросли кустов вдоль реки становились все гуще, а деревья попадались все чаще. Похоже, ближе к городу их изрядно повыврубили на строительство. Приятно грело солнце, с виду вполне похожее на земное, и летали какие-то птички. Издалека не разглядеть, но вроде вполне нормальные.

Один раз к берегу подошли олени и начали пить, время от времени поглядывая на баржу. Тоже вполне обычные с виду. Этих оленей даже на Земле несколько десятков видов, а я не зоолог, чтобы разбираться. Рыба в реке явно была — тени в воде, разбегающиеся в стороны от носа баржи, постоянно мелькали, но никто не выпрыгивал на палубу с жутким ревом, и никакие жукоглазые чуды-юды не выскакивали из кустов с бластерами наперевес, и никто даже не пытался взять на бордаж медленно телепающую баржу. Оно, конечно, хорошо, но как-то странно. Какой был смысл переправлять меня сюда? Чтобы прокатился по реке?

Шлепая босыми ногами, подошла и села рядом Даша.

— Держи,— сказала она, протягивая пару бутербродов.— Уже полдень, а ты наверняка с утра не ел.

Я благодарно кивнул и вгрызся в большой ломоть черного хлеба с куском вяленого мяса сверху.

— Итак,— прислонившись к стенке, сказала она, ехидно улыбаясь,— переселенцам обычно читают лекцию на тему, что вокруг происходит и куда вы попали. Всем одно и то же. Я так поняла, что папка тебя раньше времени забрал, и ты в большом недоумении. Вы все каких-то ужасов ждете. Не то космические войны, не то работа в шахте кайлом. Для начала скажу: мы находимся на планете, которую общим голосованием первопроходцев именуют Земля-2. На самом деле никто так не говорит, только в официальных бумагах пишут. Планетные проблемы — это не про нашу честь, нам бы устроиться нормально, и то хорошо.

Она взяла меня за руку и глянула на часы.

— Они у тебя электронные? Можешь сразу выкинуть. Здесь продолжительность суток двадцать четыре часа две-

надцать минут и сколько-то там секунд. Механические еще как-то переделывают, а это барахло никому не нужно. Никогда не знаешь, отчего сдохнут и когда. С электроникой тут вообще что-то странное. Есть места, где нормально работает, а есть, где дохнет моментально.

Даша наморщила лоб, задумавшись на миг, а потом продолжила персональную лекцию:

— Ну, еще по мелочи,— в году триста шестьдесят дней, сила тяжести на ерундовые пару процентов меньше, состав воздуха тоже на какие-то не особо значимые доли процентов отличается. В общем, все в пределах нормы, на здоровье не влияет. Природа и животные вполне соответствуют земным. В нашей Зоне — так средней полосе России вперемешку с Южной Канадой. Есть, правда, такие животные и растения, которых там нет, и наши высоколобые долго спорили: то ли они просто давно вымерли, то ли это какие-то местные эндемичные виды. Так и не договорились. Такое впечатление, что обе планеты под копирку делали, она просто местами слегка сдвинулась, пока контуры обводили, но не принципиально. Человеку вполне комфортно. Проживаем мы в славянской Зоне, которая тянется вдоль реки. Кстати, Дунай называется. Здесь полмиллиона русских, поляков, болгар, украинцев, белорусов и прочих славян и, как приправа, бывшие жители СССР, говорящие по-русски, включая разных татар и калмыков. То есть точной цифры никто не знает — одни приходят, другие уходят или погибают.

Вот из Средней Азии и Кавказа переселенцев нет абсолютно. Город называется Славянск, но никто его так не называет. Говорят просто: Город или Столица. Других в нашей Зоне, кроме Новой Варшавы, все равно нет, не спутаешь. Есть поселки побольше и поменьше и отдельные хутора.

Зон несколько по разным рекам. Есть испаноязычная, англоговорящая, немецкая, французская и китайская Зоны. Это те, с кем мы дело имеем. Куда добраться по рекам или притокам можно. Как и у нас, там всякий разный народ собран. В испаноязычной — вся Латинская Америка, включая Испанию, и бразильцы с португальцами. И с остальными так же обстоит. В английской Зоне кого только нет! И австра-

лийцы с канадцами, и всякие разные проживающие в США, для которых родной язык английский.

На стандартный вопрос, часто задаваемый вновь прибывшими: «А куда африканцы делись или индейцы? Или вот румыны с итальянцами?» — отвечаю: особо любопытным говорят, что они находятся на другом континенте. Здесь их три, не считая островов, и пока океанского флота не построили, убедиться нельзя. Но, по косвенным данным, не врут эльфы. Ловим иногда обрывки радиопередач. А вот общения не получается, не то наши хозяева «Глушилки» поставили, не то от Ушедших осталась очередная гадость. В радиусе двухсот километров все нормально, а если дальше — один треск и свист.

— Ушедших?

— А вот это большой сюрприз! — радостно сказала Даша. — Все эти Зоны находятся вдоль рек, текущих с севера на юг, и параллельны друг другу. Не в геометрическом смысле, понятное дело. Вполне естественно изгибаются и подходят друг к другу, где ближе, а где расходятся далеко. Нормальная территория километров на пятьдесят в обе стороны от реки. Пока ты проживаешь и работаешь там, ты не имеешь проблем. Проблемы начинаются, когда из Зоны выходят. На планете раньше существовала цивилизация, которая неожиданно, по совершенно неизвестным причинам, исчезла. Вот только оставила она после себя что-то странное. Ты Стругацких читал, про пикник на обочине?

— Читал.

— Вот вся планета — один большой «пикник на обочине». Здесь такой плотности аномалий, как в книжке, нет. Можно идти неделями, и все будет как на прогулке, а можно нарваться практически сразу. Особенно в районах, где раньше жили. Радиация, химия, биология — все в норме, а человек — покойник. Или он уже не человек вовсе. Это сложно объяснить, такое видеть надо. Некоторые остаются людьми по духу, хоть с виду зверь настоящий. А другие с виду нормальные люди, но моментально вцепятся в горло. Причем изменения прямо на глазах могут происходить. А иногда месяцы проходят, и неизвестно, когда подцепил.

Летать тоже нельзя, все, что поднимается выше ста метров, включая воздушные шары, моментально падает назад с

оплавленной дыркой. Спорили-спорили, решили, что со спутников чем-то по таким агрегатам лупят. Причем от рельефа местности совершенно не зависит. Можно спокойно подниматься в горы — все равно сто метров. Вертолетов здесь нет, а самодельные самолеты слишком часто гробились.

— Так птицы же летают, — удивился я, провожая взглядом висящую в небе тушку.

— А тут все сложнее. Птички на своих крыльях вполне могут летать. Если где-то драконы водятся, скорее всего, тоже без проблем. И если что-нибудь искусственное запустить — удар моментально не следует. Какое-то время проходит. Чем больше и тяжелее объект, тем скорее. И от траектории движения тоже зависит. Прямо идет или постоянно вверх — наказание последует очень быстро, а если выстрелить из гаубицы или какого миномета, траектория вверх-вниз, никак не реагирует. Лет пять назад ставили опыты. Палили-палили — ноль реакции. Потом запустили ракету на большое расстояние, и она очень быстро свалилась. Говорят, на ПВО похоже, отслеживает искусственные объекты, способные летать на дальние расстояния и представляющие угрозу. С парашюта один раз спрыгнули со скалы, тоже стрелять не стало. Что вниз падает, вроде неинтересно. Так что артиллерия возможна, а авиация нет...

Даша сделала паузу и продолжила:

— Зато вне Зоны можно найти разные Вещи.— Она это произнесла именно с большой буквы.— Собственно, наши эльфы за эти Вещи платят очень большие деньги. Больше они ни во что не вмешиваются. Полная свобода, каждый живет, как хочет. Может землю пахать и картошку выращивать, может на заводе работать, есть тут и промышленность, а может искать новое и ходить в рейды. Собственно, большинство и предпочитают спокойно жить-поживать. В рейды идут немногие. Слишком большой риск. Ну, что еще? — глубоко вздохнула она.— Сидение на месте полного счастья не дает. Иногда с границы приходит такое, что мало никому не покажется. Могут зажать прямо на улице Города, так что оружие здесь у каждого имеется и ведется постоянное патрулирова-

ние. Кроме официальных властей еще и по графику ходят. Кто не может, должен платить за замену.

— А зачем это эльфам, нас сюда переселять, если они ни во что не вмешиваются?

— А они с нами не делятся, точно так же как с вами,— фыркнула Даша.— Живут в отдельном квартале и чем занимаются — непонятно. Могут вылечить, могут прислать заказанную вещь за отдельную плату. А зачем людей завозят, не объясняют. Даже почему на определенный срок посылают, а при возврате память стирают, не рассказывают. Да многие и не хотят возвращаться. Зачем, если за эти годы устроились, обжились и семью завели. Ведь и не вспомнишь, что там у тебя дети были.

Девушка задумчиво помолчала.

— Хотя нет, не все так просто,— протянула она.— Вся наша денежная система завязана на эльфов. Наши жизняки — это такой местный вариант кредитной карточки. Вот смотри.— Она достала из кармана плоский прямоугольник размером двенадцать на восемь сантиметров из уже знакомого черного материала вроде пластмассы. На лицевой панели кнопки с цифрами и буквами, сбоку вырез.— Это называется счетчик. Вставляешь сюда жизняк, набираешь нужную сумму, и деньги перечисляются со счета на счет. Практически каждый таскает с собой, а уж в магазине обязательно есть. Выдают бесплатно в любом отделении банка, и пользоваться им может только хозяин или работники магазина, но тогда уж нужно зарегистрировать право в банке. Они как-то распознают хозяина и, как и жизняки, на чужого не срабатывают.

— Ага, вот приставлю я тебе к голове пистолет,— скептически сказал я,— и ты моментально мне все перечислишь...

— И такое может быть. Но, во-первых, сумма больше сотни сразу не пройдет, могут проверить. В магазин обязательно перезвонят, телефонов у нас пока нет вне Города, но в больших поселках, где магазины, кабель протянут для местного Интернета. А с рук на руки такие деньги редко ходят, ты пока наших расценок не знаешь. А во-вторых, такие, с пистолетом, у нас долго не заживаются. Народа мало, все друг друга знают. Оружие тоже у всех. Эти ваши бандюганы очень быстро в переработку идут.

— В смысле?

— В каждом поселке и, что интересно, совершенно бесплатно гномы ставят такой стандартный здоровый кубик — метров двадцать в высоту и тридцать в ширину и длину. Причем именно гномы, никогда эльфы при этом не появлялись. Называется эта штука «черный ящик» или просто «ящик», так как неизвестно, что там внутри происходит. Все знают, что переработка, но никто не знает — как это. На крыше стоит труба, куда уходят разные посторонние запахи. С одной стороны дверь, куда отправляются все бытовые отходы. С другой — два крана. Из одного течет бензин, а ко второму положено газовый баллон подсоединять. Как только набирается определенное количество, начинается цветомузыка, так что всем понятно: пора брать канистры — и к ящику.

Из ста килограммов отходов получается два литра бензина или один газовый баллон, на котором можно месяц на семью еду готовить. Чтобы открыть дверь, куда спихивают мусор, надо вставить жезл и набить дату. Тебе фиксируется вес, и потом получаешь общую долю, когда сливается бензин и идет газ. Можешь лишнее продать, можешь выпить. Никого не волнует, но больше своего вклада не получишь. Раз в три месяца появляется гном-техник и что-то делает через крышу. Кроме всего прочего он проверяет, чтобы кому-то не взбрело в голову не отходы, а нормальные вещи, вроде стволов деревьев, туда запихать. За это могут всему поселку отключить ящик. Были такие случаи, так что стараются не баловаться. А вот убийц и всякую дохлачину из-за границы не хоронят, в переработку суют. Так что имей в виду, если кто скажет что-то вроде «тебе место в ящике» или «пора на переработку» — это страшное оскорбление.

— А металл из вашего ящика не получают?

— Ну кто ж будет совать такие вещи в переработку? У нас каждый гвоздь в цене. Нет, конечно, все больше навоз из-под скотины и разные кости со шкурками от овощей.

У нее за спиной из люка, ведущего в трюм, вылез голый до пояса гном, облокотившись на поручни, он закурил трубку. Даша обернулась и, засмеявшись, сказала:

— Я-то думаю, что ты так вылупился? Это наш механик. Он натурально из гномов будет, и у него какое-то страшно

длинное имя, которое запомнить невозможно. Поэтому он не обижается, когда его зовут просто Спиро. Золотые руки. Из консервных банок соберет рацию. У нас стоят два старых двигателя — восьмицилиндровые дизели ЗИЛ-6451, каждый на сто семьдесят лошадиных сил, — так они как новенькие. Кстати, купить в Зоне можно что угодно, но только то, что производится в соответствующих странах. У нас российского или польского с украинским — сколько угодно, а американского нет. В их Зоне наоборот. То есть можно заказать через эльфов, но стоит будет раза в три дороже, чем для местных. Очень патриотично, вот только большая проблема, когда в России не производят какую-нибудь необходимую вещь. Мы приспособились гонять караваны в соседние Зоны — это дешевле, чем заказывать. Заранее заказываем, что нужно, и они не глупее — у нас берут. Есть еще местная промышленность. Эльфы поставили несколько заводов, скупленных по дешевке в перестроечные времена, и перестали обращать внимание на наши дела. Есть большая промзона и все, что с этим связано: угольные карьеры, выплавка металла. Все в малом количестве и довольно дорого, но на нас вполне хватает, и есть возможность расширяться.

Заводские одним кланом живут и большую силу в Городе имеют. Многое из ширпотреба там производится. Если есть какие-нибудь специфические пожелания по сделанным здесь промтоварам — это они с большим удовольствием за отдельную плату. А еще патроны под советское оружие, местный карабин — копия знаменитой «сайги» в разных модификациях и даже с собственным двадцатизарядным магазином, который там не производили, и починка техники.

Даша взглянула на курящего трубку гнома.

— Что касается Спиро, то он пьет, как лошадь. Если не следить, обязательно до белой горячки наклюкается. За это-то его свои выгнали, и он к папке прибил. Они, собственно, все такие, как ваши эскимосы. У гномов какого-то фермента в организме нет, им алкоголь нельзя, моментально спиваются. Они это прекрасно знают и не употребляют. Но бывают отдельные экземпляры, вроде нашего Спиро, как наркоманы, раз попробуют и остановиться не могут. В общине их категорически не терпят и выгоняют пинком под зад.

И не смотри таким задумчивым взглядом, не ты первый об этом подумал. Изгнаннику на мозги блок ставят. Как начинаются вопросы на определенную тему, так он просто отрубается. Может, на Земле и можно что-то сделать, а у нас все на кустарном уровне, домашнего производства. Заказывать что-то у эльфов — очень дорогое удовольствие, так что стараемся сами наладить различное производство. Специалисты здесь в цене. Я так поняла, что ты машины чинил.

— Не только машины. Все понемножку чиню.

— Вот и хорошо, устроишься...

Спиро вдруг резко что-то крикнул и показал рукой в сторону берега. Даша вскочила, напряженно всматриваясь.

— Ну-ка, возьми свою винтовку, у гномов глаза не хуже бинокля, — сказала она. — Где? — обращаясь к Спиру, спросила она.

— Дерево с раздвоенной вершиной видишь?

— Да, — ответил я, глядя через оптический прицел.

— Левее метров двадцать...

— Ничего там нет.

— Смотри внимательней, он с травой сливается.

И тут я увидел. Фигура была почти человеческая, совершенно голая и жухлого желтого цвета, вся в пятнах, как у леопарда, с непропорционально большой головой. В четырехкратный прицел было ясно видно, что глаз у существа не было. На их месте присутствовали большие темные пятна. Он внимательно смотрел на реку, если можно сказать «смотрел» про существо без глаз. Голова явно поворачивалась вслед двигающейся барже.

— Постарайся попасть в голову, — тихим голосом сказала Даша.

Я не стал раздумывать на тему гуманизма. Наверное, ей лучше знать, что это за тварь, и присел на колени, уперев ствол для устойчивости о борт баржи. Приклад ощутимо толкнул в плечо. В последний момент существо резко присело, и пуля угодила ему в то, что у нормального человека называлось бы лбом. Верхнюю часть черепной коробки снесло, и тело рухнуло, дергая ногами в агонии.

Спиро заорал что-то радостное и совсем по-человечески показал большой палец.

— Даже проверять не надо,— сообщил он.— Покойник.

Даша тоже кинула на меня восхищенный взгляд. Я внутренне покраснел, радуясь, что этого не видно. На самом деле промахнулся бы, если бы этот не дернулся. На какие-то сантиметры, но промахнулся бы. В памяти всплыли строки инструкции на тему о том, что при стрельбе через широкий водоем необходимо брать поправку по высоте. На Кавказе, где я служил и стрелял, с большими водоемами проблемы, так что наука изрядно подзабылась. Слишком давно не тренировался. Но не рассказывать же об этом. Правильная репутация меткого стрелка — дело стоящее. А на будущее необходимо узнать, где у них стрельбище имеется.

— И кто это был?

— Мозгляк. Что-то вроде телепата. Мысли не читает, но всегда точно знает, что человек делать хочет. Ты его заметил, а он уже знает. Ты в него только целишься, а он уже сбежал. Идет сзади и дожидается момента, когда отдыхать устраиваешься. А потом убивает и съедает. Очень опасная скотина. Одно хорошо, всегда одиночка. Обычно их можно свалить только очередью или с далекого расстояния. Видимо, издаleка не так хорошо чувствуют. В первый раз вижу, чтобы на реке встречались. Они очень далеко отсюда водятся.

«А он ведь почувствовал,— сообразил я.— Поэтому и присесть хотел, только поздно. Ничего себе чувствилка работает, метров триста будет до дерева».

— Да, о чем это мы беседовали, прежде чем Спиро заорал? — спросила Даша сама себя, снова садясь на палубу.— А! Про деньги. В теории все расчеты через жизнь и банк идут. На самом деле с самого начала прекрасно люди приспособились. Ты мне помогаешь ставить дом, я тебе притаскиваю деревья из леса. Или там патроны дам. Они здесь дорогие. Приблизительные расценки на обмен давно уже устоялись, хотя и поторговаться можно. Ты — мне, я — тебе. Письменных контрактов нет, на слово верят. Но это ведь обычно мелочовка, нет смысла пачкаться за мешок картошки, чтобы весь поселок знал. Хотя говорят, что оборот вот такого черного рынка больше половины от официального. Ну вот, вроде все основное рассказала,— с облегчением сообщила она.— Давно столько не говорила. Мы по сменам на

руле торчим, а Спиро еще из трюма не вылезает. Стоишь, молчишь. Одно радио вместо собеседника. Может, что еще спросить хочешь?

— А что происходит с переселенцами, если за ними Борис не приходит?

— Да ничего особенного. Сначала им читают лекцию об окружающем мире. Сразу после этого отправляют в Дом приезжих. Это вроде временного общежития. За проживание там какую-то мелочь берут. Каждый сразу по прибытии получает сотню единиц на жизнь. Ты, кстати, тоже. Только это не подарок, через год вернуть обязан. Для нормальной жизни, без особых запросов, требуется в месяц где-то сотни три. Будешь тратить только на еду — на полученное месяц протянуть можно, пока осмотришься. Всю информацию о приезжих скидывают на общедоступный терминал. Ну там, профессия, возраст. Первым делом появляются покупатели на разных дефицитных специалистов. Просто молодым и здоровым тоже можно на первое время нормально устроиться. А вот если у тебя диплом по филологии якутов или диссертация о Пушкине — будет тебе изрядно кисло. Сейчас еще ничего, пару десятков в месяц прибывают. Было время, когда тысячами валили, и большие проблемы у людей были. Пособий здесь никто не платит, не смог заработать — имеешь большие шансы помереть с голоду. То, что у нас вместо правительства, только общественным благоустройством и охраной порядка занимается, за счет взимаемых налогов. А все остальное частное. Естественно, появляются разные жулики с обещанием золотых гор и знанием местонахождения очень ценной Вещи Ушедших. Ну и пьянки, драки, долги — короче, бурлит нормальная жизнь. Кому как повезет и насколько у кого хватает умения, желания и амбиций. Все начинают с нуля, но некоторые тем и заканчивают...

Глава 3 ЗНАКОМСТВО С ЖИТЕЛЯМИ

Я шел по широкой, совершенно безлюдной пыльной улице, иногда оживляемой деловито гуляющими гусями. Собст-

венно, вся деревня представляла собой одну вытянувшуюся вдоль реки улицу. Из-за заборов время от времени доносилось довольное хрюканье, и возились, зарываясь в пыль, куры. За домами блестел на солнце пруд, в котором стояло стадо коров, непринужденно справляя надобности. Я все еще никак не мог отделаться от ощущения, что нахожусь в Подмоскowie. Даже дома были хорошо знакомые — с крыльцом и наличниками на окнах, с односкатной, иногда с двухскатной крышей.

На одном из заборов сидела ворона и пристально следила за тем, как я подхожу ближе. Видимо, сделав какие-то свои вороньи выводы о моем поведении, она вопросительно каркнула, когда поравнялся с ее насестом. Я посмотрел на нее и, пожав плечами и сообщив, что понятия не имею, что ей надо, зашагал дальше. Ворона слетела с забора и, сев на землю прямо передо мной, требовательно заорала.

— И чего тебе надо? — спросил я. — Жратвы у меня нет.

Ворона наклонила голову набок и, явно выругавшись по-своему, сорвалась с места, уходя на бреющем полете в сторону первоначального места.

— Вороны здесь тоже разумные? — спросил я сам себя, поправил рюкзак и зашагал дальше, шаря взглядом по воротам.

Еще через десять минут я обнаружил приметку, о которой говорил Борис, когда рассказывал, куда мне идти. Очень реалистично нарисованного цветными красками пирата. Один глаз у него был завязан черной лентой, но именно к нему он приставил подзорную трубу. В позе было такое напряжение, что, казалось, из широко раскрытого рта сейчас раздастся крик «Земля!».

Я толкнул калитку и вошел. Дом стоял в глубине двора, радуя взор резными наличниками и картинами на стенах. Очень неплохо было нарисовано, вот только напоминало некоторые картины Дали. Видно, что художник умеет, но в нормальной природе таких зверюг просто не бывает. Хотя кто его знает, что здесь бывает, а что — нет. Может, вот такая помесь обезьяны с крокодилом и с крыльями за плечами совершенно нормальная вещь. А может, галлюцинации местного наркомана.

Вплотную к дому примыкало несколько строений, образуя квадрат, но заглядывать в сараи не тянуло.

— Эй, есть кто дома? — крикнул я в пространство, чувствуя себя идиотом. Еще не хватает, чтобы приняли за вора. Судя по рассказу Даши, могут и пристрелить, а фамилию только потом спросят.

Из двери сарая вышла женщина, причем даже не так — впереди нее вышел огромный живот. Она была явно не то на восьмом, не то на девятом месяце беременности. Прикрывая глаза рукой, чтобы солнце не слепило, внимательно осмотрела меня.

— Я Рафика ищу.

— А ты Леха? «Рязань» пришла?

— Да,— ответил я сразу на оба вопроса.

— А я Лена Штурман. Давай, вещи занеси в дом, помойся с дороги, я сейчас приду,— распорядилась она и ушла в сарай.

Я поднялся на высокое крыльцо и автоматически вытер ноги о половичок у двери. Внутри изба выглядела гораздо просторней, чем снаружи, и было заметно, что за порядком в ней тщательно следят. Чисто вымытые полы и окна. Мягко, без малейшего скрипа открывающиеся двери. Мебель вся сделана вручную — и стол, и стулья, и шкафы. На полу в спальне, куда заглянул, проходя мимо, лежала шкура медведя. Из деревенского стиля выбивались только две стойки с разнокалиберным оружием. Тут были два автомата Калашникова — один с нормальным деревянным прикладом, а второй с раскладывающимся. Двойник моей винтовки — карабин Сиимонова, «сайга» с оптическим прицелом и явно сделанный из мосинки обрез. Все ухоженное на вид и готово к действию. Еще несколько мест пустовало.

Душевая и туалет явно пристраивались позже, и выглядели они вполне по-городскому. Не какая-нибудь пошлая дырка, на которую нужно садиться орлом, а честный стульчак с крышкой. А в душе из шланга шла горячая вода, так что вышел я слегка распаренный и вполне довольный.

— Рафик должен вернуться через пару дней,— рассказывала хозяйка, расставляя тарелки. На плите жарилась картошка и котлеты. А на столе уже красовался большой набор

овошей и бутылка с содержимым явно собственного производства. Сдвигая в сторону кухонное полотенце, чтобы освободить место для стаканов, я неожиданно обнаружил под ним пистолет ТТ в потертой кобуре.— Не обращай внимания,— сказала Лена,— я даже в сарай с оружием хожу, потому до сих пор и живая.

Она переложила пистолет на край стола.

— Его и дома-то не было, когда про тебя отстучали из Города. Рафик о тебе часто говорил, все-таки это ты его вытащил и потом на себе пер — не бросил. Такие вещи не забываются. У нас имеется радио, но с Городом мы все больше морзянкой общаемся. Так что я сразу к Борису обратилась, ехать в Город не в моем положении, сам понимаешь...

На вид ей было не больше двадцати пяти, и смотрелась она очень симпатично. Чистое лицо с курносым носиком, короткая стрижка каштановых волос. Вот про фигуру ничего сказать было нельзя, фигуры там не было. Был только большой живот. Но руки были сильные, с длинными артистическими пальцами.

— Там места много раз хоженные, надо просто проводить переселенцев, хотят новый хутор ставить,— продолжала она рассказывать.— Нормальные люди, получив назад ампутированные ноги, очень бережно относятся к своему здоровью, а у него словно шило в заднице. Недельку дома посидит — и снова в дорогу. Рейдер из него получился очень приличный, но муж отвратительный. Впрочем, я знала, на что шла...

Она, наконец, выключила плиту и стала раскладывать еду на тарелки.

— Ну долго тебя еще ждать? — спросила Лена, осторожно усаживаясь на стул и глядя на дверь.

Из темного проема бесшумно выскользнуло маленькое существо. Роста в нем было меньше метра, все покрыто серой шерстью, и только лицо, очень похожее на человеческое, оставалось гладким. Уши круглые и большие, как у Чебурашки, постоянно двигались. А на талии был застегнут кожаный ремень, на котором висели нож и какие-то футлярчики. Собственно, это и была вся одежда странного существа.

— Познакомьтесь,— сказала Лена.— Это Алексей, друг Рафика. А это Зоя, наша домовая — она девочка.

Я обалдело произнес: «Очень приятно» — и пожал протянутую мне маленькую лапку. В этот момент я совершенно точно понял, что ей тоже очень приятно, и она хочет, чтобы я помог ей влезть на стул, хотя вслух ничего не прозвучало. Наклонившись, я посадил ее.

Зоя деловито взяла стакан и выжидательно уставилась на меня.

— Наливай, чего уж там, — сказала Лена. — Ей можно, только в пропорции с весом. Она ведь не маленькая, по нашим меркам — взрослая женщина, давно пора рожать.

Домовая фыркнула, и опять стало ясно, что шутки она понимает, но не наше человеческое дело лезть в ее дела.

— А мне нельзя, я себе водички, — наливая из кувшина, сказала Лена.

Мы чокнулись и выпили. Зоя ела очень аккуратно, пользуясь маленькой вилкой, сделанной под ее руку, и совсем не маленьким ножом.

— Они не говорят, но прекрасно общаются, а если что-то сказать надо таким тупым, как мы, то руками, как глухонемые, объясняются. Только они этого не любят, — пояснила Лена, умильно поглядывая на Зою. — Вот она и есть настоящая хозяйка. За всем присмотрит, все сделает, починит или скажет, где проблема, если сама не может. Чужим показываться не любит, но лучше любой собаки охраняет. Она как-то видит намерения, и, если уж ей человек не понравился, значит, точно что-то с ним не в порядке. И совсем они не так безобидны, как кажется с виду. Могут и убить опасного чужака. Есть у них свои способы.

Подвинув ко мне хлебницу, Лена продолжила:

— Дом и люди, в нем проживающие, — это их, домовых, собственность. Да, да, именно так. Поэтому защищать свою территорию и своих почесывателей они будут до последней капли крови. Им очень нравится, когда их причесывают. Когда собираются на собственные посиделки — долго и старательно работают гребешком. Наша Зоя хоть и вредная, но член семьи, ничего не поделаешь, приходится считаться с ее мнением. А вот нового жильца может и отказаться принять.

Зоя довольно улыбнулась и погладила ее по руке.

— И что, в каждом доме домовые живут?

— Нет, они сами выбирают, где и с кем им жить. Рожают они не часто, так что в Городе их почти нет, а в многоквартирных домах вообще не селятся. Пару лет маленькие живут с матерью, а потом перебираются в другой дом. Причем очень придирчиво выбирают новое место жительства. Сами ходят посмотреть на хозяев, других домовых спрашивают. Зато если уж поселятся, никаких проблем с хозяйством — с утра до вечера пашут как заведенные, и ничего им не надо, кроме кормежки и ласки.

Домовая между тем хлопнула третью стограммовку, закусила огурцом и, похлопав меня по плечу, мягко спрыгнула на пол и без прощания удалилась.

— Есть у нас тут один профессор, зоолог с Земли, большой энтузиаст изучения пограничной фауны, — понизив голос, сказала Лена. — Он на домовых слегка сдвинулся и все мечтает о них побольше узнать. А они с ним принципиально общаться не желают. Как появляется, так они моментально исчезают, фиг найдешь. Был бы опасный, давно бы заработал нож под ребра, но они его не трогают, просто прячутся. — И уже нормальным голосом продолжила: — Так он говорит, что домовые положительными эмоциями питаются, а потому всяких скандалистов и алкашей не переносят. Только таких теоретиков у нас полным-полно, и никто толком не знает про домовых. А кушают они совсем не воздух, мисочкой с молоком не отделаешься, иногда и выпить не против...

— Спасибо, — отвалившись от стола и чувствуя приятную тяжесть в желудке, поблагодарил я.

— Но-но, — погрозила она пальцем. — Ты, Леха, у нас не гость, а хороший друг. Поэтому простым «спасибо» не отделаешься, собирай посуду, вымоешь ее, а я посижу.

— Так без проблем, — кивнул я и встал. — Это я привычный, могу еще чего по хозяйству.

— По хозяйству — это мы завтра. Сегодня пойдешь выплещешься, у нас еще и сдвиг по времени с Землей, так что отдохнешь. Завтра начну тебя эксплуатировать. Как коня запрягают в телегу, знаешь?

— Нет. Я городской, — ставя тарелки в раковину, ответил я. — Вот машину чинить и ездить, другое дело.

— Будет тебе и машина в починку — это я обеспечу. А как

с лошадей обращаться, тебе Зоя покажет. Лошадь здесь главный транспорт. Никаких дорог, а по старым вообще лучше не ходить, неизвестно куда заведут. Поедем завтра в Форт к Борису, мы ему много чего заказывали. И заедем по дороге к Художнице. Надо ей помочь, а то она сама попрется ящики таскать. Совершенно не приспособленная к деревенской жизни, но упрямая ужасно.

— Художница — эта та, кто стены изрисовала? Выходит, что Штурман не твоя фамилия?

— Не-а. Здесь фамилии редко в ходу. Обычно клеят прозвище. Иной раз так назовут — человек не знает, как отмыться. А Штурман я потому, что прокладываю правильный курс. Вот,— погладив живот, сообщила она,— из-за этого в последнее время никуда из поселка не отлучаюсь. И моментально Лях навернулся. Нарвались на гопников, которые поджидали рейдеров с границы, чтобы поживиться. Выстрелят из засады, Вещи по мешкам, и уйдут в Город, потом попробуй докажи: сами они что нашли или у убитых взяли. Самые гадкие людишки. В рейды ходить ссут, а людей не жалеют. Таких, если поймают, сразу без разговоров кончают, но всегда находятся сильно умные, готовые рискнуть за большие деньги.

— А что такое эти ваши Вещи?

— Это легко. Вот в нижний ящик загляни.

Я открыл дверцу под мойкой. Кроме ведра с косо прилепленной бумажкой, на которой синей краской было написано «Мусор», там ничего не было.

— Вот оно самое. Доставай, только осторожно, оно тяжелое.

Я взялся за дужку и, вытянув ведро наружу, поставил на пол. Оно действительно оказалось неожиданно тяжелым, как будто набитым до краев, хотя ничего в нем не было.

— А теперь смотри внимательно.

Она взяла со стола огрызок огурца, демонстративно подмигнула и картинно-медленно кинула в ведро. Огрызок упал в ведро и исчез. Я уставился на него и, сообразив, быстро полез рукой внутрь. Ведро было пустое, но рука неожиданно провалилась ниже пола сквозь дно ведра.

— Глубоко не лазь,— насмешливо сказала Лена,— там все-таки не брильянты, а разные объедки.

Я поспешно вытащил руку.

— Молодец, догадался. Это и есть Вещь. Называется «Фляга». Можно внутрь положить что угодно, и будет храниться вечно, не портясь и не разлагаясь. Нальешь молочка из-под коровы — и через десять лет оно свежее. Форма у них бывает самая разная, но всего три вида. Дело в том, что вложить внутрь можно до определенного предела. Двадцать килограмм, сто и двести. То есть на самом деле не совсем так, но приблизительно. Чем больше вложил, тем скорее цвет изменится. Видишь, сейчас светло-серый. Когда «Фляга» пустая — белый, когда полная — черный.

— Так это, наверное, больших денег стоит?

— Не так чтобы очень, их достаточно много, но стоит. Восемь тысяч, восемнадцать или двадцать пять — в зависимости от размера. В качестве мусорного ведра только в таком доме, как наш, где рейдеры живут, стоять может. Но это средняя цена. Если вид у «Фляги» удачный, можно и больше получить. А то попадаетея такой, как трубка — диаметром пять сантиметров и длиной три метра,— на что приспособить, никто не знает. Изменить форму «Фляги» нельзя, если слишком стараться, просто расколется. На горлышке у нее всегда резьба, и крышкой закрывается.

Лена поискала глазами вокруг.

— Ну что у меня еще под рукой имеется? А! Вон рядом со стаканами стоит железная коробочка. Взял... теперь поднимаешь крышку...

Я открыл и увидел внутри матовый кругляш, размером с шарик для игры в настольный теннис. Потрогал его и автоматически отдернул палец. Шарик был холодный, как бутылка водки после морозилки.

— Это называется «Льдинка». Используется вместо холодильника. В закрытом деревянном ящике или погребке поддерживает постоянную температуру в районе нуля по Цельсию. Время работы зависит от размера помещения, где он хранится, и количества продуктов, находящихся там. Чем больше, тем, естественно, срок работы меньше. В объеме холодильника хватает месяца на три. Чтобы вернуть в рабочее

состояние, требуется положить в холодное место, и он вытягивает из окружающей среды необходимое количество холода. Опять же по цвету определяться. Так что использованные «Льдинки» хранят до зимы и тогда подзаряжают. Если положить в закрытую металлическую коробку, как он до сих пор лежал,— кстати, положи назад,— расхода не происходит. Лежит себе и хранится, пока не понадобится. Стоит около тысячи трехсот единиц — не так дорого, поскольку их достаточно много.

Я положил «Льдинку» обратно в коробку, а Лена продолжила меня просвещать:

— Есть около двухсот разных Вещей разной ценности и направленности, входящих в общедоступный список. Потом считаешь. В Зоне имеется что-то вроде платного Интернета, оригинально называемого «Тутнет». Стационарные пункты при отделениях эльфийского банка, где можно обмениваться информацией. Вот зря трепаться в нем не будешь — слишком дорогое удовольствие. В списке имеется все, что угодно, начиная от «Ткани», которая принимает вид и цвет окружающей среды и маскирует как хамелеон, и кончая разными Вещами, влияющими на человека, например, способствующими увеличению силы, выносливости, быстрому выздоровлению, ну и тому подобное. В общедоступном списке те Вещи, что свободно продаются. А бывают Вещи, которые мы обязаны продавать только эльфам, и такие, с которыми связываться не стоит. Есть, к примеру, «Черная пыль». Это хуже любой наркоты. При употреблении становишься помещью Конана-варвара с берсерком. Не чувствуешь боли, реакция как у компьютера и сила бульдозера. Проблема в том, что после третьего, максимум четвертого раза мозги превращаются в кашу. Официально запрещено, и, как водится, находятся такие, что не прочь попробовать.— Лена устроилась поудобнее на стуле, огладив живот.— А бывает, притащат что-нибудь, явно Вещь, вот только неизвестно, на что годная. Можно толкнуть эльфам по дешевке, а можно положить в сарай в надежде, что когда-нибудь выяснится, что это и с чем едят. Тут — как повезет: можно озолотиться, а можно годами ходить и ничего не иметь. Нюх нужен. Я вот девять с лишним лет в рейды ходила, и погибших в нашей группе очень мало

было. Всегда прокладываю правильный путь. Я Рафику говорила: «Уймись, подожди меня», — а его все тянет на подвиги.

— Десятый год? — с расстановкой переспросил я.

— А что? А, ты об этом... Так я бессрочница. Мне двадцать пять в прошлом месяце стукнуло, на пару лет старше тебя буду. А вот за что и почему, — наставительно сказала она, — спрашивать не принято. Зона она Зона и есть. Хоть уголовная, хоть инопланетная. Все, что было там, на Земле, — там и осталось. Здесь судят за поступки, а не за прошлые грехи и достижения.

Лена помолчала, будто что-то прикидывая в уме, и сказала:

— Хотя я тебя понимаю — сроки не совпадают. А ты ведь с Дашкой должен был общаться, неужели в голову не стукнуло? Ей-то уже шестнадцатый пошел, а дети сюда не попадают. Эти десять лет присутствия пришельцев на Земле — версия для публики. Сколько они там ошивались, пока не решили засветиться, может, разные ЦРУ с ФСБ знают. А может, и нет. Заводы, которые в Зоне работают, ставили на оборудовании, вывезенном еще из СССР в самый разгар перестройки. Тогда можно было по дешевке скупить все что угодно. А есть старожилы, которые еще раньше поселились. Вот Кулак из таких будет.

— Э-э?..

— Борис. У него прозвище с двойным значением. И за то, что в свои почти пятьдесят любого буйного пришибет, и за то, что натуральный кулак, почти по Ленину. Он у нас очень специфический случай. Тот, которого не бывает. Анекдот про еврея-колхозника знаешь?

— Почему анекдот? Водятся такие в Биробиджане, если все в Израиль не уехали. Раньше точно были.

— Обычно других вспоминают, которые начальники. А вот Борис был токарем очень высокого уровня, к нему инженеры бегали советоваться. Годик проработал на только что открытом заводе, когда каждый специалист был на вес золота, и вдруг пошел выяснять, что у нас вокруг происходит. Три года в рейды ходил, про него в наших специфических кругах до сих пор легенды рассказывают. Мало ведь Вещь нарыть, надо еще и догадаться, что за польза от нее будет, а то какие-то

лучше вообще не трогать — может плохо кончиться. А про некоторые и в жизнь не догадаешься, что это Вещь.

Я домывал посуду, но старался не пропустить ни слова.

— Ну и вот, потом Борис нашел Форт — одно из немногих мест Ушедших, — который прямо на реке стоит и неплохо сохранился. Сотни людей мимо ходили, но ни одному в голову не стукнуло заглянуть, полюбопытствовать... Тут и нужен рейдера. Там много любопытного внутри, только посторонних на пушечный выстрел не подпускают. И тогда Борис снова резко поломал свою жизнь и осел. Привез полячку, настругал пятерых детей и превратился в местного кулака (отсюда и прозвище), считай, в олигарха, по здешним понятиям. Как же, собственные мастерские имеются, мельница, маслобойня, колбасный цех, молокозавод, сыродельня, пасеки, поля, теплицы, завод по разведению коней, молочное стадо, семьдесят рабочих лошадей, сорок пар волов, фруктовый сад и магазин... Справедливости ради скажу, половина работы на Зосе была. Она еще та девка — своего не упустит. Чисто домовая: что за порогом ее владений лежит, волнует, только если касается ее семьи и собственности. — При этом Лена одобрительно хмыкнула. — А работнички у них — самый натуральный интернационал. Спиرو ты должен был видеть, есть еще семейка орков, два десятка бибизян и под сотню разного меченого народа.

— А подробнее? — спросил я, ставя последнюю помытую тарелку ребром на подставку.

— Бибизяны — это местные аборигены, вроде питекантропов. Приклеилось к ним, по-другому не называют. Завтра полюбишься. Только близко подходить не стоит, мыться они не любят и изрядно пованивают. Собиратели-охотники. Дальше дубины и обожженного на костре дрына не продвинулись. Тупые до безобразия, но очень сильные и, если поручать простую работу, замечательные работники. Правда, надо постоянно контролировать, чтобы отдохнуть не уселись. Как люди появились, часть просекли, что при нас кормежка гораздо лучше, и перебрались они поближе к фермерам. Они работают, мы кормим. Только они всегда большими семьями ходят — не каждый на работу возьмет, накладно. Так что они нередко селятся по соседству и прекрасно заменяют батра-

ков на простых работах. Проводниками еще подрабатывают, если договориться сумеешь и объяснить, куда тебе надо. Это оседлые. А есть и дикие. Как ходили по степи и лесам, так и ходят. Мы их не трогаем, они нас. Хотя при случае так и норовят своровать что-то на поле, но обычно не связываются с людьми. Знают, что могут серьезно по ушам получить. А вот с мечеными сложнее. Дикое поле на всех по-разному действует. Бывает, люди физически изменяются, превращаясь в зверей или уродов. Бывает, просыпаются разные странные способности, вроде умения поджигать взглядом или лечить не хуже эльфов. А бывает, что с психикой что-то происходит: был человек, а стал зверь, мечтающий вцепиться в горло любому без всякой причины. Своих же друзей убьет и глазом не моргнет. Не любят меченых нормальные люди, и очень часто за дело. Вот только большинство-то меченых ни в чем не виноваты и ничего плохого не сделали, а всегда найдутся придурки с претензиями. Так что, если кто чувствует за собой что-то такое, обычно не афиширует. Но это когда снаружи не видно, а если у тебя вместо носа свиной пяточок и клыки торчат изо рта — тут не спрячешься. Выживут обязательно, хорошо еще, никто до инквизиции не додумался с кострами, мы все-таки просвещенные люди и в Сатану, в отличие от инопланетян, не верим. Инопланетян все видели, а вот черта пока нет. А Кулак таких спокойно к себе берет. У него там давно не семья, а клан. Его не волнует — поляк ты, русский или болгарин, урод или красавец, православный или католик. За своего моментально стеной встанут. Нормальных православных священников у нас на всю Зону трое. Есть разные сектанты, но редко буйные. Таких отстреливают. Так что служба по канону только в Городе и у поляков в Новой Варшаве, а остальные и так прекрасно обходятся.

Она помолчала.

— В нашей Нахаловке около двух тысяч жителей, если без Форта считать. И не меньше четверти в рейды ходили. Тут с самого начала селились либо те, кого Борис знал и приглашал, либо по знакомству. А приятели у него такие же рейдеры были. Есть неофициальная статистика: чем больше по Дикому полю ходишь, тем больше шанс меченым стать. Можно только догадываться, но у нас их должно быть много.

И не вздумай это вслух говорить, тем более при чужих. Но чтобы понятно было — Кулак сам меченый и особо не скрывает. Он не хуже домового иногда видеть может. Борис редко советы дает, но если сказал: вот с этим дела не иметь — значит, так и есть. Проверено неоднократно. Обязательно будут неприятности.

— Так если он такой крутой, да с кучей работников, почему сам на барже ходил?

— А за оборудованием. Хочет наладить химическую лабораторию. Там ему всякого разного добра под заказ привезли. Надо проверить, чтоб не подсунули чего неподходящего. Расширяется наш Кулак.

Лена вздохнула устало.

— В общем, хорошего понемногу,— сказала она.— Все это надо переварить, иди-ка ты спать. Утро, как известно, вечера мудренее.

Рыжая кобыла по кличке Зорька была запряжена в телегу Зоей. Это было проделано дважды, чтобы я понял, куда и в какой последовательности нужно пристегивать ремни упряжи. Домовая явно веселилась, производя необходимые действия, и я теперь твердо знал, что Зорька у них высокая красавица со светлой волнистой гривой, мягкой как шелк. Выносливая и с приятным характером. Что два ее жеребенка ушли приличным людям за серьезные деньги. Что храп у кобылки тонкий, на солнце красный. Ноги сухие и в белых носочках, а на лбу звездочка. И она полностью здорова и не прочь пробежаться, и еще она соскучилась по жеребцу, который должен скоро вернуться.

Какого цвета кобыла и ее ноги, я и так прекрасно видел, а вот объяснить, откуда знаю про жеребят или что ноги именно сухие, да прочие разные подробности — при всем желании бы не смог. Зоя четко транслировала не слова, но какие-то образы, и что она хочет сказать, было понятно сразу и без проблем. Действительно, тут и язык не нужен.

Художница, оказывается, не только картины рисовала. Она работала в здешней школе учительницей и жила в пристройке. Собственно, она особо не перетруждалась, потому

что на троих учителей приходилось детей школьного возраста не больше двух десятков, но подрастало новое поколение, и скоро их число должно было изрядно увеличиться. Так что ехала Художница за разными учебными пособиями и учебниками. Как оказалось, была середина июля, и скоро должен был начаться новый учебный год. Тоже отличие с Землей — там уже осень на исходе.

Художницу звали Ольга, это была маленькая полная женщина, возраста изрядно за сорок, с длинными, желтыми от курения пальцами. Мы как раз застали впечатляющую сцену кормления свиньи с несколькими поросятами, визжавшими так громко, что Художница даже не услышала нашего приезда. Свиньи вели себя исключительно по-свински, отталкивая друг друга от корыта и кусаясь. Даже пинки ногами их не успокаивали, и подсвинки, отлетев в сторону, с новыми силами кидались в свалку. Мне при виде этого зрелища совершенно расхотелось выращивать домашнюю живность. На столе, в жареном виде, она выглядит гораздо симпатичнее.

Увидав гостей, Ольга тут же побросала своих свинок и радостно залезла на телегу. Действительно, меньше всего ей хотелось заниматься подобной работой. Теперь женщины сидели сзади и обсуждали какие-то местные дела и последний мордобой в здешней забегаловке. Совершенно не стесняясь нового человека, Ольга рассказывала подробности с глубоким знанием дела — явно присутствовала, — употребляя слова и выражения из армейского языка. Дело насквозь привычное, но все-таки женщина. Хотя, если подумать, здесь должен наблюдаться явный перекоп в мужскую сторону. Женщин немного, и они в цене. Тут как ни разговаривай, за спиной все равно целый шлейф кобелей появится.

Телега миновала неспешно бредущее стадо коров, за которым шел явно не выспавшийся пожилой пастух в запачканной телогрейке, время от времени щелкавший кнутом и старательно изображавший непосильный труд. Коровы, похоже, прекрасно знали, куда им идти, и без него и не обращали внимания на понукания. Я в очередной раз подумал, что зрелище более чем странное. Стоило отправляться на другую планету, чтобы заниматься такими делами.

Сразу за деревней дорога поднималась на высокий холм,

крутятся, как спираль, между деревьями, растущими у обочины. На втором витке мне стало изрядно неудобно, сработали старые рефлексy. Идеальное место для засады и расстрела колонны. Плоские низкие камни, наваленные чуть выше дороги, лежали так, что казалось, из амбразуры сейчас ударит пулеметная очередь. Я невольно взялся за винтовку, с которой не расставался. Да и обе подружки имели под рукой калаша, хотя ехать всего ничего.

— Что,— спросила Лена,— почувствовал?

— Там что, действительно стоит пулемет? — обернувшись, спросил я.

— А весь холм и есть Форт, он глубоко в землю уходит, и отсюда можно легко перекрыть дорогу. Там наверняка если не ствол, так наблюдатель сидит. А может, что и посерьезнее ручного пулемета имеется. Береженого Бог бережет.

Через четверть часа показался въезд. Вся верхняя часть холма была срезана и представляла собой огромную ровную площадку. Два длинных плоских строения стояли прямо у дороги, заваленные землей и давно заросшие кустами. Между ними протянулась трехметровая стена со спиральями колючей проволоки по гребню. Гостеприимно распахнутые ворота никто не охранял. Внутри было достаточно большое пространство с площадью в центре, окруженной построенными явно по одному архитектурскому плану стандартными деревянными избами на кирпичном фундаменте. Несколько длинных каменных строений, стоявших чуть в стороне, использовались, похоже, в производственных и складских целях. Прямо перед воротами, так что проехать можно было только вокруг него, стояло двухэтажное здание конторы, с плоской бетонной крышей, откуда торчало дуло крупнокалиберного пулемета.

Мы завернули налево и остановились у одного из складов. В темном помещении с забитыми разнокалиберными ящиками полками нас обиженно приветствовал хозяин. Он долго что-то бухтел на тему необязательности и позднего приезда. По его словам, надо было самим разгружать заказанное с баржи еще вчера, как делали другие, и не заставлять его делать двойную работу, сначала затаскивая, а потом вытаскивая со склада. Все это произносилось с большим темпера-

ментом, и казалось, что сейчас у него из ушей пойдет дым. Впрочем, убедившись, что можно свалить на меня труды по кантовке и переноске, он моментально успокоился и только давал указания, что и где брать. Тележка для перевозки ящиков на складе присутствовала, и особых проблем не было.

Лена ходила со списком и время от времени демонстративно проверяла, что там в ящиках лежит, приговаривая про учет и контроль. Кладовщик каждый раз страшно обижался, но не препятствовал. Ассортимент был самый разнообразный — от патронов нескольких видов до гвоздей. Телега изрядно просела под тяжестью. Пока они разбирались с грузами, подъехали еще несколько телег и встали в очередь. Вожички собрались кучкой и что-то лениво обсуждали, дожидаясь своей очереди.

Ольга стояла у двери, прикуривая, когда в дверь вихрем ворвался здоровый мужик и, буквально снеся ее с ног, помчался дальше. Совершенно автоматически я ухватил его за рубашку с воспитательными намерениями и только тут сообразил, в чем странность. На плечах у мужика была волчья голова. «Ничего себе, различные физические изменения», — оторопело подумал я, вспоминая лекцию про меченых.

— Ну — недружелюбно спросил странный тип, — и чего тебе надо? — Голос был вполне нормальный, но с неистребимым гортанным кавказским акцентом.

— Ты бы извинился перед женщиной.

— А не надо стоять на дороге, — сообщил тот. — Рубашку-то отпусти, я тороплюсь.

— Придется задержаться, — раздраженно сказал я. Подобный акцент после армии у меня всегда вызывал неприятное чувство и желание съездить по морде, а сейчас очень хотелось разрядиться за все прошлые и будущие проблемы сразу.

— АЮ, — радостно воскликнул меченый, — ты меня желаешь заставить извиняться. Ну пойдем выйдем.

— Эй, Леха, — встревоженно сказала Ольга, — ничего страшного не случилось. Все в порядке.

— Нет уж, — заявил псоголовый, — раз сказал, надо отвечать за свои слова. Ты отвечаешь?

Я молча повернулся и пошел к выходу из склада.

— Давно я не разминался, — сообщил последовавший за

мною меченый, снимая рубашку. Тело у него было жилистое, без всяких следов соэнакоплений, и вполне человеческое, хотя и заросшее шерстью. Он потянулся, демонстративно поигрывая мускулами, и сказал: — Ничего особо страшного не произошло, так что деремся по нормальным правилам. Просто выясним, что тут у нас новенький из себя представляет. По яйцам не бить, глаза не выдавливать и не кусаться. — При этом он громко щелкнул зубастой пастью и рассмеялся. — Кастеты, ножи, палки и камни в ход не пускаем.

Разом подтянулись замолчавшие возчики и встали кругом. За их спинами мелькнула Лена.

— Начали? — с утвердительной интонацией сказал меченый и пошел на меня.

Два быстрых удара он принял локтями, от удара в печень явственно охнул, но моя «коронка» из двойного в солнечное сплетение и челюсть не прошла. Уж больно непривычная была морда у противника, и правильного удара не получилась. Резко разорвав дистанцию, меченый сплюнул красной слюной. На периферии сознания я слышал вопли собравшихся вокруг.

Я прыгнул вперед, стремясь закрепить успех, и неожиданно получил страшный удар по левой голени. Нога сразу онемела, я едва устоял. Меченый ухмыльнулся, даже на волчьей морде можно было прочитать удовлетворение, и ударил по ноге снова. Удар был вскользь, потому что я уже понял, чего ждать, но пользы от этого было мало. Боксерские навыки здесь не помогали — слишком низко он бил. Я понял, что еще парочка таких ударов, и двигаться уже не смогу. Прихрамывая, попытался сократить дистанцию, но меченый немедленно сдвинулся в сторону. Я еще успел увидеть несущийся ко мне кулак, а потом свет погас.

— Я тебе что сказал? — раздавался у меня над головой недовольный голос. — Позвать человека на разговор. А ты что сделал?

Я с трудом разлепил глаза и попытался сесть. Голова дико болела и плавно кружилась. Тут меня подхватила сильная рука и помогла подняться. С трудом сфокусировав взгляд, я обнаружил Бориса, с ним рядом торчали Ольга с Леной, с сочувствием разглядывая меня, и меченый, с видом умираю-

шего лебедя глядящий себе под ноги. Немаленькая толпа, успевшая собраться на представление, куда-то рассосалась. Борис прислонил меня к телеге и деловито ощупал, потом внимательно разглядел лицо, поворачивая в разные стороны, и с облегчением в голосе сообщил:

— Вроде ничего не сломано.

И, обращаясь к меченому:

— Совсем ты оборзел. Хочешь подраться, мотай в трактир, а здесь делом надо заниматься. Вот хотел я с ним поговорить, ты думаешь, он способен сейчас нормально соображать?

— Так никто не хочет, все боятся,— сообщил в пространство тот.— А тут новый человек, и он сам прицепился.

— Знаю я, как он сам. Просто ему еще не успели объяснить, как ты знакомишься. Надо все-таки один раз тебя выпороть всерьез.

— Но-но,— быстро отодвигаясь, сказал тот,— я буду пайной.— Он сделал паузу.— Первым не начну, но не терпеть же мне хамство? А поскольку в данном случае он был прав, я приношу искренние извинения уважаемой Художнице.— Он снова помолчал и добавил: — Но только за то, что не помог подняться. Кто ж мог подумать, что она встанет прямо на входе?

Борис демонстративно махнул рукой и отвернулся.

— Найду я, пожалуй, тебе занятие, чтобы людей не встречал. Ну Леха, пришел в себя?

— Вроде да,— проверяя, на месте ли челюсть, ответил я.

— Я с Ленкой говорил, она тебе объяснит, что к чему. Вы уже загрузились, так что езжайте потихоньку. Лучше тебе спокойно полежать, легкое сотрясение мозга он тебе обеспечил.

— Так это прекрасно,— фальшиво обрадовался меченый.— Теперь все точно знают, что у него есть мозг. А то большинство приезжих явно страдают его отсутствием.

Борис резко повернулся к нему.

— Я тоже,— поспешно сказал тот.— Иначе бы меня, да еще в таком виде, здесь не было бы.

— Ты меня достал,— серьезно сказал Борис.— Пойдем, работы у нас много, а ты явно дурью маешься, я тебе подыщу

что-нибудь похуже. До свидания,— вежливо сказал он оставленным и зашагал от склада. Меченый послушно двинулся за ним.

— Залазь на телегу,— сказала Лена.— Поедем домой.

— И кто это мне говорил, что кавказцев здесь нет? — спросил я в пространство, взбираясь на ящики и пытаюсь сесть поудобнее.

— Это нет тех, кто на Кавказе проживает. А если в России, то очень даже есть. Немного, правда,— сообщила Ольга, разворачивая лошадь.— Это Волк. Его хлебом не корми, дай прицепиться к кому-нибудь. Так он вполне нормальный и даже не слишком религиозный, хоть и считается мусульманином, но никто не видел, чтобы он намаз делал. Он как-то сказал, что за отсутствием Мекки на планете молиться в пустоту смысла нет. Но вот есть у него такой бзик — каждому новому человеку дать по лбу. Один раз доиграется, что башку оторвут. За начальника только Бориса и признает. Говорят, тот его отмутил по полной программе в свое время, вплоть до больницы, вот он его и зауважал. Борис при желании может. Он однажды бибизяна кулаком приложил, так тот помер. Жаль, что ты на них не посмотрел. Это все равно что гориллу пришибить. Все остальные у Волка проходят по разряду — кто сколько против него продержался. Ты еще в число лучших попал. Может, на него волчья сущность влияет, хочет доминантность продемонстрировать. А может, он всю жизнь такой был. И терпят его только потому, что он, вроде Ибрагима из «Угрюм-реки», за хозяина и его семью всем горло перегрызет. И не фигурально, а очень натурально.

— А о чем там Борис говорил, что ты мне объяснишь?

— А, это про твои диски. Он просит дать на время посмотреть, что там такого интересного есть,— сказала Лена.— Я вечером посидела, просмотрела кое-что. Там кроме всякой ерунды приличные вещи имеются. Разные справочники лекарственных растений и анатомии человека, простейшие технологии производства на коленке полезных вещей и каталоги оборудования. Может пригодиться. Даже если просто издать в его типографии, многие купят. Он обещал, что, если сможет пользу извлечь, двадцать пять процентов от прибыли тебе отдаст.